

АН СССР

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННОЙ
ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НАРОДОВ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Выпуск 2

МОСКВА 1990

- 79 Харузин А. Киргизы Букеевской орды. М., 1899. С. 30.
- 80 Задыхина К. Л. Указ. соч. Л. 4.
- 81 Гродеков Н. Указ. соч. С. 6. Пока мы не можем из-за отсутствия материалов установить, происходило ли это усыновление в соответствии с бытовавшими обрядами у казахов по данному поводу.
- 82 Левшин А. Указ. соч. С. 12. Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 19.
- 83 Материалы по казахскому обычному праву... д. Андреев... С. 136.
- 84 Загряжский Г. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1876. Вып. 4. С. 153; Гродеков Г. Указ. соч. С. 6.
- 85 Аристов Н. А. Указ. соч. С. 385; Зобнин Ф. Указ. соч. С. 33.
- 86 Вяткин М. Тюленгуты в XVIII в. С. 24; Шахматов В. Ф. Институт тюленгутства... С. 97.
- 87 Курyleв В. П. Полевой дневник этнографической экспедиции в Восточно-Казахстанскую область..., д. 973, л. 45. Автор статьи во время экспедиции в Восточно-Казахстанскую область видел могилу Шайлы.
- 88 Чулошников А. П. Указ. соч. С. 216.
- 89 Вяткин М. Тюленгуты в XVIII в. С. 24.
- 90 Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1950. Ч. 1. С. 454; Толибеков С. Е. Указ. соч. С. 364.
- 91 Задыхина К. Л. Указ. соч. Л. 138.
- 92 История Казахской ССР... Т. 2. С. 332.
- 93 Социально-экономические отношения и соционормативная культура // Свод этнографических терминов и понятий. М., 1986. С. 52.
- 94 Там же. С. 53.
- 95 Зиманов С. З. Указ. соч. С. 276.
- 96 Юшков С. В. Указ. соч. С. 454.
- 97 Курyleв В. П. Полевой дневник этнографической

экспедиции в Восточно-Казахстанскую область..., д. 973, л. 45.

- 98 Шахматов В. Ф. Институт тюленгутства... С. 105.
- 99 Харузин А. Указ. соч. С. 33.

Р. Я. Рассудова

ОЧЕРКИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙСКА

В БУХАРСКОМ И КОКАНДСКОМ ХАНСТВАХ (XIX в.)

В XIX в. войско и военная организация в Бухарском и Кокандском ханствах оставались одной из важных основ государственного строя и административного деления. Принципы набора, состав и особенно содержание (т.е. оплата) войска были непосредственно связаны также с хозяйственными условиями тех или иных районов и этносоциальным делением их населения. Данный вывод сделан нами на основе немногочисленных и весьма фрагментарных материалов, разбросанных к тому же в литературе, освещающей иные аспекты феодального общества. Отсутствие обобщающих работ о военной организации в обоих ханствах определяют необходимость специального и разностороннего исследования указанной проблемы или необходимость ограничиться каким-либо одним вопросом, что и делается в данной статье.

Здесь мы останавливаемся на организации войска и связи его с этническим делением (или отсутствием его) населения, т.е. первичным естественным условием труда в производстве, предшествовавшем капиталистическому.¹ Постановку первым именно этнического вопроса можно объяснить также настойчивым утверждением ряда авто-

ров об освобождении отдельных групп местного населения от воинской службы.

Бухарское и Кокандское ханства как крупные государственные объединения политически и территориально стабилизировались в основном к XIX в.² Территория Бухарского ханства (правитель с титулом "эмир" происходил из мангытского племени) простиралась от Зеравшанской долины к югу, до городов Керки и Чарджоу на правом берегу Амударьи. На востоке к Бухаре относились многие горные области (современный Таджикистан). Кокандские правители (с титулом "хан", происходившие из племени минг) установили свою власть от г. Туркестан (на р. Сырдарье) и Семиречья до Памира включительно.

XIX век был примечателен тем, что весь государственный строй ханств определялся как "военно-феодальный".³ В названиях административных единиц, довольно обширных территорий расселения ряда племен сохранились и военные термины. Даже само население в целом имело военное название; оно употреблялось наряду с обозначениями, которыми выделяли различные его категории (родоплеменные, территориальные, социальные, хозяйственные и т.д.), в первую очередь военное сословие. Так, все бухарское и кокандское население, как и соседнее кашгарское (в первой половине XIX в.), было известно и под военным названием, например туман. Туман состоял не только из солдат — кучин и глав племен — инак, но и гражданских государственных чиновников (светских и духовных). Одновременно все это население (туман) являлось податным, т.е. обязанным платить государственные налоги в казну; в последнем качестве оно же было известно как фукара.⁴ Как мы полагаем, количеством и разнообразием терминов и выделением различных категорий военных подчеркивалась именно военная значимость обычного податного населения.

Во второй половине XIX в. население Бухарского ханства (туман) разделялось на фукара и сипах — податное и, можно думать, неподатное. Причем военное сословие, а именно родовое конное войско, включалось в неподатную категорию — сипах, т.е. оджиду.⁵

Среди ташкентцев-горожан в XVIII-XIX вв. военное сословие не выделялось, как и его обозначение. По-видимому, это можно объяснить тем, что здесь военно-феодалная знать состояла из иноплеменников, и она часто менялась, свергнутая новыми пришельцами.⁶ Правда, чужеродность такой знати не может означать освобождение горожан от воинских обязанностей. В ряде же мест бухарского Зеравшана все мужчины были солдатами — чериками, причем потомственными; этот район и назывался Черикистан.⁷

Войско в целом в обоих ханствах обозначалось одинаково — аскара (местное произношение — ляскара), хароби (отсюда рус. "армия") и кошун; термином нукер выделялось весьма значительное войско типа дружин.⁸ Но были и местные термины: в Ташкентском оазисе — караказан, в Ферганской долине — каракалтак и кылкуй-рук. Различные внутривойсковые подразделения тоже имели свои обозначения.

В XIX в., как и в предыдущий период, все мужское население обоих ханств считалось военнообязанным. Причем всем, как и властям, очевидно, издавна и довольно точно было известно количество выставлявшихся военных единиц, время, место и форма служб. Этим несомненно объясняются быстрые сборы призывников после объявления ханского глашатая (обычно на базарных площадях) о военной мобилизации.

Численность войска в ханствах определялась в принципе финансовыми и материальными (хозяйственными) возможностями как государства, так и населения. Она зависела также от обширности территории и плотности населения. Этими обстоятельствами мы объясняем "законный" потолок указанных величин войск на тот или иной период и их изменчивость.

Бухарские эмиры XVII в. могли "поднять" войско в 175 000—225 000 человек, в середине XIX в. — 40 000—50 000, а в начале XX в. — всего 12 000 человек (Бухарское ханство существовало до 1920 г.).⁹ Ташкентское владение в период своей независимости (1784—1808) по мере налаживания хозяйства увеличивало численность своих войск от 2000—3000 до 30 000 человек,

а могло выставить до 50 000—70 000.¹⁰ Фергана ХУП в. (долинная часть) "на законные доходы" могла содержать 3000—4000 воинов. А в середине XIX в. кокандский хан имел уже более 25 000 человек для защиты (от бухарских войск) лишь одного Ташкента.¹¹

Многочисленное ханское войско составлялось из региональных частей, а последние — из этнических подразделений, которые, подчеркиваем, были одинаково военнобязанными, хотя не являлись одинаковыми по своему происхождению и количеству соплеменников, по хозяйственному положению и социальной значимости. В результате же подобных различий племена и роды представляли, во-первых, разное количество военнослужащих, во-вторых, и это весьма важно, с различным социальным статусом. В дальнейшем в социальной иерархии и военной организации представители разных родов и племен занимали соответственно различное положение. Кроме того, отдельные семьи, семейно-родственные группы и даже роды и племена издавна специализировались в той или иной области жизни, в том числе и военной. Это передавалось по наследству. Подобная специализация также влияла и на количество, и на место в войске людей, призванных на службу, и, наконец на жаловавшиеся им должности и чины.

Таким образом, судя по литературе, этнический состав населения влиял на количество военных определенного региона и на их дальнейшее распределение по видам ханского войска, призванного из конкретных племен и регионов, считавшихся идентичными по размерам территории, направлению хозяйства и т.д. Однако первичная основа привлечения человека на военную службу, как показывают наши материалы по сельской общине XIX—начала XX в., зависела не от наличия или отсутствия каких-либо этнических различий населения, а от материально-финансовых возможностей как его, так и государства.¹² При этом исходной единицей исчисления данных возможностей, обуславливавших содержание военнослужащих, была сельская территориальная община, одинаковая везде по размерам, хотя она совпадала то с частью селения, то с одним селением, а то и с их группой.¹³

Все военные силы ханства мы разделим на боевые отряды и

дворцовую часть. Первые являлись основной многочисленной силой ханского войска. Они использовались во время различных военных выступлений глав государств (в защиту своих владений) против внешних и внутренних врагов, в целях экспансий, в помощь союзникам и т.д. В зависимости от назначения, видов оружия, места службы это войско (х а р б и, л я ш к а р) разделилось на конницу (с и п а х, н у к е р) и пехоту (к а р а ч е р и к). Оно состояло из стрелков (м е р г е н), копейщиков (п а й з а д а с т) и подразделения кара лам а н, т. е. отряда для захвата неприятельского имущества. В данной же части войска имелись еще две специфические группы, можно сказать, противоположного назначения: ш а г и р д п е ш а и а к у й л и с б а й б а ч а. Первая комплектовалась из новобранцев, поэтому являлась малообученной и непостоянной (по количеству и составу). Из этой, как бы резервной, группы успевавших воинов переводили, например, в нукеры или другие специальные подразделения. Группу акуйли вместе с байбача набирали из разных воинских частей (причем акуйли брали почти из всех родов и племен). Эти люди были уже не годными к военной службе или совершившими какой-либо поступок в армии, поэтому ими заселяли малоосвоенные периферийные места, где они образовывали новые поселения. Главами (старшинами) подобных поселений акуйли назначались только мангытские байбача.

Нукеры (или сипах) набирались из местного кочевого и полукочевого населения, сохранившего и в XIX в. свою родоплеменную организацию; это же население давало карачериков.¹⁴ Приведем лишь один пример по Каршинскому оазису, являвшемуся уделом ханского наследника. В начале XIX в. на одном из этапов борьбы с шахрисябзскими кенегесами бухарский эмир Хайдар приказал каршинскому командующему войсками (в а ъ л и) прислать ему определенный контингент войск. Соответственно ханскому приказу было выставлено 200 карачериков от племени сарай, 600 — от мангытов, курама-арабов, кунгратов, хардури, а также 200 — от пригородных (г. Карши) фукара. По второму требованию того же хана мангыты выставили 900 нукеров и 500 карачериков, разделенных поровну на стрелков и копейщиков. Пле-

мя сарай дало 100 нукеров и 400 карачериков; арабы и дурмены — только стрелков (соответственно 100 и 4). Ханское требование выполнили и другие роды и племена (кзы, кущи, катаган, арлат, общества аймак, кафиранджи, ябу и хытай; последние давали лишь шагирдпешей), а также неузбекское население Сираба, Дербенда, Пенджаба. Фукара (так обозначалась часть населения г. Карши и его пригородов) постоянно выставляли 200 человек. При этом было известно, что племена и территориальные единицы освобождались от других государственных налогов и повинностей, если в их обязанность входило обеспечение воинских поставок; такие районы иногда даже назывались Черикистан — "Страна военных".¹⁵

Ханские войска, набранные в соответствии с родоплеменным и территориальным делением населения, в дальнейшем распределялись по трем тактическим единицам, называвшимся "сторонны", крылья" или "руки", правая, левая (т а р а ф, к а н а т, или к у л), и "центр" (о р т а). Это триальное деление войска учитывалось в военных действиях, в облавных охотах, считавшихся еще в первой половине XIX в. одной из форм военного обучения. Каждое крыло и центр образовывались из определенных групп племен и родов, связанных социальным статусом и родственными отношениями; территориальное расселение их не имело значения. Так, в левое крыло входили мангыты, из которых происходили бухарские эмиры; кутчи, тоже привилегированное племя, поставившее гвардейцев; катаганы, воинственные и хорошо организованные, часто назначаемые командирами других племен, и др. Все они расселялись в Зеравшанской, Кашка- и Сурхандарьинской долинах.

Правое крыло, социально менее значимое, чем левое, объединяло найманов, кыркы, дурменов и ряд неузбекских племен, таких как каракалпаки, казахи, туркмены и др.; впереди этих племен стояли хытай-кипчаки.

Войсковой центр отличался не только иным племенным составом, но и наличием в нем значительного контингента некоего населения (таджики в Бухаре, сарты в Коканде и группы ходжа в обоих ханствах).¹⁶

В конце XIX в. триальное членение войска не имело былого значения вследствие установления относительного спокойствия в Средней Азии. Некоторые следы его можно усмотреть в подготовке и проведении массовых конных состязаний (о т ч а п а р) и так называемом козлодрании (у л а к, или к у п к а р и).¹⁷ Участники этих игр также делились на три группы различной численности, назначения и действия. Две одинаковые группы являлись борющимися сторонами (у н г т а р а ф и с о л т а р а ф) со своими главами (о г л а н); третья группа (м и р и) во главе с м и р а б а ш считалась судейской, арбитражной.¹⁸ Эти состязания были весьма популярны в обоих ханствах и устраивались всюду, где имелись значительные площади, свободные от посевов. Соревнующиеся стороны составлялись из постоянных, хотя и различных, родов, отражая данную этногеографию. В Зеравшанской долине противоборствовали акнайманы и каранайманы или акмангыты (вместе с токмангытами) и карамангыты. Эти группы образовывались из 40 человек (а иногда и из ста); при подборе принимали людей и из других родов и племен. В Фергане против кипчаков и киргизов выступали сарты и таджики или минги. Судейская группа, как правило, состояла из ходжа и тура; она была известна и как группа "святых"; возможными кандидатами в судьи являлись сарты и таджики.

Аналогию подобному членению или, вернее, своеобразные следы его мы усматриваем в делении территории Ферганской долины на три округа, зафиксированном уже в IX в.,¹⁹ что соответствовало трем этническим массивам более ранних периодов.²⁰

Триальная организация конных игр в XIX–XX вв. во главе с судейской группой из "святых" ходжа или тура, вероятно, берет свое начало тоже в очень отдаленных временах, когда облавные охоты имели и хозяйственное, и военное значение. Тогда "охотой" распоряжался со всей полнотой власти главный шаман, а не просто военные; ему подчинялись начальники-шаманы тактических единиц. В руках шамана находились и прочие руководящие должности (казна, уборка и сортировка добычи) и т.д."²¹ Деление на левых (с о л т о), правых и внутренних (о н г и ч к и л и к) существовало и у киргизов; оно сохранялось и при рас-

пределении их в кокандских войсках.²²

Следующей основой деления ханских войск являлась древняя десятичная система организации. Наиболее крупной единицей был туман (10 000 человек). Туман разделялся на хазара (минг) и даста, т.е. на отряды по 1000 и 500 человек; даста — на сотни (сада, или юз), а они — на две полсотни (элликбаш), последние — на десятки (дах, или ун). Однако все эти единицы, особенно крупные, в действительности не укомплектовывались полностью. Так, Каршинский вилайет (область), считавшийся уделом наследника эмира, был приравнен туману, хотя он мог выставить "на законных основаниях" (т.е. содержать) всего 3000 воинов. Такое же положение существовало и в других вилайетах-туманах первой половины XIX в. Мелкие единицы тоже могли быть разной величины. Правда, в таких случаях разрешалось уравнивать эти единицы путем перевода лишних в недостающие, например стрелков в ряды копейчиков, и наоборот. Кроме того, при десятичной системе не соблюдалось этническое единство. Так, в том же Каршинском тумане одна сотня состояла из токмангитов (30 человек), коштамгали (30 человек), байгудинцев и купалаков (по 20 человек), другие — из акмангитов и прибрежных амударьинских жителей (всего 80 человек).

Каждой войсковой единицей командовал соответствовавший ее величине "голова" (баш): тысячник — мингбаш (мир-хазар), пятисотник — панджсад (баш), сотник — садбаш (юзбаш). Должности тысячников, пятисотников занимали, как правило, представители родоплеменной знати. Наиболее крупными объединениями часто командовали мангиты, остальными — представители других родов, но находящихся в составе данного подразделения. Командующим же войсками отдельной области (в долинных частях ханств) могли быть только представители так называемой святой группы, состоящей, как мы уже говорили, из хаджа, тура, сейидов. Он назывался ваъли (отсюда и термин вилайет). Ваъли являлся командующим и обоих "крыльев" войска, и заместителем командующего центром, т.е. эмира. Все ваъли назначались только эмиром (ханом). Вы-

сокие военные должности, такие как ваъли, были наследственными (з определенных родах и семейно-родственных группах).

В XIX в. десятичная военная организация почти полностью отражалась в административном устройстве населения.²³ По бухарским нормам, самой крупной территориальной, как и войсковой, единицей являлся туман-вилайет. В подобный округ объединялось 100 селений, сосредоточенных вокруг одного города; площадь обрабатывавшейся земли равнялась 40 000 танабам (примерно 10 000 га). И туман-вилайет мог выставить 10 000 воинов ("законных"). На основании данных по туману и названий последующих единиц и в них можно высчитать число воинов. Однако в XIX в. строгое соотношение компонентов (земли, селений и воинов) уже редко обнаруживалось; в это время из названий административных единиц частично исчезла и терминология десятичной системы. В долинной части Бухары утвердились термины вилайет и амлакдар (туман и особенно хазара и сада сохранялись в Горной Бухаре). Кроме того, эти термины выражали этносоциальную значимость, причем лишь правителей (и их титулов), назначавшихся ханом из хаджа и сейидов в округа (ваъли), и глав племен (бек) в амлаках.

Таким образом, в XIX в. обширными территориями и крупными воинскими единицами управляли представители из группы "овяты", т.е. хаджа, сейиды и т.д., являвшиеся древней частью среднеазиатского населения.²⁴ Им подчинялись главы (бек) меньших военных единиц, составленных из тюрко-монгольских племен, т.е. более поздних пришельцев. К концу XIX в. и гражданское управление (даже в селениях) сосредоточивалось в руках тех же хаджа,²⁵ отличавшихся, как правило, высоким профессионализмом и культурой (как в военных делах, так и гражданских — хозяйственных, управленческих, юридических, в науке, литературе и поэзии).²⁶ Такое положение было в Горганской долине Кокандского ханства.

Войско в ханствах в мирное время несло охранную службу в различных гарнизонах, крепостях, построенных даже во многих селениях, на торговых и скотопрогонных путях как в долинах, так и особенно в горах. Немало воинских частей располагалось

при различных правителях и даже духовных служителях. Здесь они проходили и военное строевое, и специальное обучение. Военная служба при указанных объектах перемежалась с хозяйственными занятиями (земледельческим, ремесленным и даже торговым). Интервалы между этими занятиями были различными: от одного до двух-шести месяцев; это зависело от сезона года, направления хозяйства и т.д.

Помимо строевого войска в ханствах существовали части, предназначенные для личной охраны (хана, правителей) и охраны дворцов (столичных и периферийных). Личная охрана — это кавалерийская часть — *шурта* (термин, уже не употреблявшийся в конце XIX в.), *курчи* и *табин*. В нее входили 40 близких хану людей, в основном его родственники (т.е. мангыты), поэтому ее часто называли (особенно устно и в быту) *табин*, *буи*.

Широко известный термин *курчи* был многозначным (даже в XIX в.). Все его производные по сути являлись идентичными, хотя означали, казалось бы, разные понятия. Так, алтайский *курчу* — это обруч, кольцо, большой деревянный круг. *Курчи* персидского двора — это кавалерийский корпус кирасиров, составленный из высших ("благородных") слоев туркестанских племен. Одновременно *курчи* и *фехтовальщик*, и учитель манежной езды. В Средней Азии на джагатайском языке словом *кур* обозначали сверстников, приближенных. Тимуровские *курчи* (*акран*) — это друзья, равные, а также солдаты специального корпуса, выделявшиеся для охраны полей земледельцев. В XIX в. таковые уже не существовали, и термин *курчи* в значении личной охраны или в значении сверстников-родственников заменен другими — *буи*, *табин*. Он сохранился в названиях начальника гвардейской части (*курчи*) и начальника ночного дозора в крупных городах (*курбаши*) Бухары, Самарканды, Коканда, Маргилана и др.²⁷

Для охраны ханских государственных дворцов был создан новый контингент войск — *сарбазы* (играющие головами). Сарбазы не были связаны с каким-либо родом, племенем и даже местным населением. Первые сарбазы происходили из пленных и наемников половецких русских, затем из афганцев, курдов, пер-

сов, туркмен и др. Позднее сарбазов стали вербовать по ханскому указу из местной, но неблагонадежной среды (из нарушителей норм хозяйственной, социальной и общественной жизни). В ряды сарбазов особенно много забирали сыновей по жалобам их родителей. Эту часть сарбазов (*мерген*) в мирное время не вооружали, хотя и ставили охранять дворцовые ворота. В сарбазы поступали и те, кто не находил себе другого занятия и заработка, и совсем немногие — по склонности к военной службе. Последние чаще занимали низшие командные должности, редко — и высшие. Вооруженные (пистонами, шомполами, казньорядными ружьями) сарбазы (*дубалапур*) были сформированы в начале XIX в. эмиром Насрулло. Она состояла сперва из рабов, а позднее — из добровольцев, свою караульную службу выполняли на разных столичных и периферийных объектах по очереди (одна сотня в течение трех дней), сочетая ее с военным обучением. Отслужившая сотня расходилась по домам и занималась своим хозяйством.²⁸

Ханская дружина, составленная из глав родоплеменных объединений (*эльнавкар-эльнукар*), в конце XIX в. называлась просто *даста* — "отряд", а главы племен — *саркарда* (а не *беки*, как прежде). Подразделение именно этой дружины — *чирхэ* выполняло специальную задачу: во время сражения, находясь среди войска, подбадривало остальных, или же этот отряд гарцевал на виду неприятеля и тем самым подавал знак о готовности к бою. Из *чирхэ* создавался отряд разведчиков (*лашман*), который одновременно также забирал имущество неприятеля и доставлял эту добычу (*лаш*, или *акын*) хану.

Эльнукар участвовал в возведении хана на трон (на белой шкуре). Но постепенно число участников в дружине сокращалось, тем самым она теряла свое значение. Теоретически и на практике далекого прошлого в коронации участвовали главы всех узбекских племен. В XIX в. их число ограничивалось сначала 24, к середине века — лишь 12 беками-саркарда (мангыт — род самого эмира, бахрин, джалаир, камак, кипчак, кунграт, кутчи, кырк-кз, марка, найман, очамайли, хитай), а в конце XIX в.

даже они были заменены (небольшим числом) различными чиновниками из "святой" группы, в основном из джуйбарских хаджа (таджик- и узбекоязычных).²⁹ На этом завершилась роль родоплеменных объединений на дворцовой службе. Соответственно и термин *сипах* в старом значении - "военный" теперь применялся не только к хану-эмиру, командному составу боевых частей войска, войску из родоплеменных объединений, но и к гражданскому служилому сословию высоких рангов.³⁰

Решение вопросов войны и мира, обеспечения содержания ("кормления") военных являлось первейшей обязанностью главного ведомства государственного управления - *кушбеги боло* (или *ходжаи бузург* ранних периодов истории). Сюда входили отделы тайной полиции и общих войск, подчинявшихся непосредственно кушбеги. Следующие две военные инстанции имели двойное подчинение: военачальники - правители областей (в *аъли*) подчинялись хану-эмиру и главнокомандующему всех войск, также из хаджа, сейидов, а главы племен (беки, саркарда) - хану и *ваъли*. В военной организации особое место занимало судебно-политическое управление; по структуре оно соответствовало гражданской юридической службе. Оба этих ведомства комплектовались почти исключительно из хаджа и сейидов. Некоторые должности занимали лишь джуйбарские³¹ хаджа. Верховный судья (*кази аль казат*) являлся главой юрисдикции военного (и гражданского) сословия и начальником войсковой судьи - *кази аскара*, первой инстанции для военных. Делами военных ведал *муфтий из аъламов* ("ученейших"), особенно в походах или поездках в другие области. *Накиб*, второе должностное лицо, также из "святой" группы (сейидов), - это специалист-стратег: он определял путь движения войска в походе, действия отдельных частей во время сражений, расположение правого и левого крыльев, центра, авангарда-арьергарда, мест засады и т.д. Поэтому и снаряжение войска являлось его делом. Великий *урак* наблюдал за исполнением норм и законов, религиозных обрядов, "побуждал обывателей к добрым делам и удерживал от запретного" лишь в среде военных из сейидов и хаджа, из которых происходил и сам

(среди гражданского населения эти функции выполнял *мухтасиб*, или *раис*, порой иного происхождения).

Итак, в результате укрепления центральной власти все мужское население (независимо от этносоциального положения) было военнообязанным, в том числе и интересующая нас "святая" группа, состоявшая из хаджа, сейидов, тура и др. Военная служба (как, впрочем, и гражданская) определялась этнической и территориальной принадлежностью и социальной значимостью различных категорий населения. Однако эти статусы изменялись в различные периоды истории края.

Население (кочевое и полукочевое), сохранявшее свою родоплеменную организацию, в целом составляло постоянную боевую военную силу. Население же, различавшееся лишь по территориальному признаку (оседлое), представляло собой в основном вспомогательную (хозяйственную) и потому временную силу. Независимо от указанных различий высокие социальные категории (главы племен и их объединений - *сипахийон*, беки, инаки, а также "святая" группа - хаджа, сейиды) занимали высокие же военные, административные и дворцовые посты служебной иерархии. Общей же тенденцией, характерной для XIX в., являлось ограничение (и даже вытеснение) военной и социальной роли родоплеменных объединений и их глав, а также замена их (в ряде случаев) чуждыми, пришлыми элементами, не связанными с местным населением, и главное - представителями "святой" группы. Происхождение последних мы относим не только ко времени появления арабов, но и к значительно более ранним периодам истории Средней Азии.

³¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 461-462; Раосудова Р. И. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период истории Средней Азии // Роль географического фактора в истории локаль-

- талистических обществ / Отв. ред. В.Н.Боряз, Л.П.Потапов. Л., 1984. С. 157.
- 2 В результате военного наступления царской России на Среднюю Азию Кокандское ханство было ликвидировано полностью (18 февраля 1876 г.), Бухарское — ограничено территориально и в ряде политических функций. Их территории стали частью Туркестанского генерал-губернаторства России, за Бухарой сохранились Бухарский и Кошкандарьинский оазисы и Сурхандарьинская долина (История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 42-93, 114-124, 131-162, 224-255, 461).
 - 3 Это положение верно по сравнению с предыдущими ХУП-ХУШ вв. Тогда непрекращавшиеся войны между соседними государствами, а внутри них — между различными феодалами и отдельными племенами привели эти страны к хозяйственной разрухе и весьма значительным изменениям в этногеографии их (История народов Узбекистана. Т. 2. С. 115-132 и др.).
 - 4 Б у д а г о в Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1. С. 615, 619.
 - 5 Х а н н о в Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; А н д р е е в М. С. Арк (кремль) Бухары. Душанбе, 1972.
 - 6 С о к о л о в Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965; Ч е х о в и ч О. Д. Ташкентское владение ХУШ в. М., 1979.
 - 7 А б д у р а и м о в М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве XVI-первой половине XIX в. Ташкент, 1965. С. 202-204.
 - 8 История народов Узбекистана. Т. 2. С. 80, 81, 161, 162, 408; Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестн. РГО. 1851. Кн. I, ч. I, отд. VI. С. 1-56; Б у д а г о в Л. З. Указ. соч. Т. I. С. 475, 514, 516, 619, 641, 762; Т. 2. (СПб., 1871). С. 84, 188, 296; Н а л и в к и н В. И. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 50-80; Р а с с у-

- д о в а Р. Я. Следы общинно-военной организации у узбеков // СЭ. 1968. № 5.
- 9 История народов Узбекистана. Т. 2. С. 80, 81, 161, 162, 448.
 - 10 С о к о л о в Ю. А. Указ. соч. С. 42-44.
 - 11 Там же. С. 43-46, 90-98, 132-148; П а н т у с о в Н. Н. Фергана по "Запискам" султана Бабура // Зап. РГО по Отд. этногр. 1884. Т. 6. С. 153-199.
 - 12 Эти средства тратились на содержание войска, как и других служилых людей. Формы получения и использования необходимых средств были различными для государства и населения, для представителей разных социальных уровней войска. Государство использовало для этих целей подходящие налоги, поступавшие с определенных земель и культур, категорий селений и территорий. Податные же слои учитывали соотношение водных, земельных и трудовых ресурсов семьи, селения и общины.
 - 13 Р а с с у д о в а Р. Я. 1) Сельская община в Пастдаргоме (Зеравшанская долина) // Страны и народы. М., 1977; 1973 2) Формы водоземельной общины на рубеже XIX-XX вв. (по материалам Ферганской и Зеравшанской долин и Ташкентского оазиса) // Арх. автора.
 - 14 С о б о л е в Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанской округе // Зап. РГО по Отд. стат. 1874. Т. 4. С. 161-440; Ф и т р а т. Три документа по аграрным вопросам в Средней Азии // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Л., 1933. II, 2. С. 77-79; В я т к и н В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215-1217 (1800-1803 гг.) // ИСОРГО 1928. Т. 18. С. 9-26.
 - 15 Ф и т р а т. Три документа ... С. 78, 79. Следует добавить, что родоплеменная основа организации войска сохранялась в памяти населения еще в середине XX в. (К а р м ы ш е в а Б. Х. Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир // ТИИАЭ АН ТаджССР. 1959. Т. 17. С. 107).

- 16 Триаьное членение войска и племен более четко усматривалось у казахов, киргизов, туркмен и др. Причем у монголов левая сторона также считалась выше правой.
- К у н В. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент. пед. и учит. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. Ташкент, 1947. Вып. 2. С. 20, 21). Бабур-наме : Зап. Бабура. Ташкент, 1958. С. 100, 101; Б а р т о л ь д В. В. Очерки истории туркменского народа // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 593, 594; Б у д а г о в Л. З. Указ. соч. Т. 1. С. 90, 95, 141, 148, 149, 152, 442-444, 451, 473, 712; Т. 2. С. 87, 272, 273, 359; З у е в Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1967. С. 63-78.
- 17 Б у д а г о в Л. З. Указ. соч. Т. 1. С. 141, 142, 148, 152.
- 18 Там же. С. 90, 95, 274, 359.
- 19 Б а р т о л ь д В. В. Очерки истории туркменского народа. С. 593, 594.
- 20 Б е р н ш т а м А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // Материалы по истории археологии СССР. М.; Л., 1952. Т. 26.
- 21 К у н В. Н. Указ. соч. С. 20, 21.
- 22 Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 5.
- 23 Б у д а г о в Л. З. Указ. соч. Т. 2. С. 406; Ч е х о в и ч О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954. С. 233 (примеч. 24).
- 24 В л т к и н В. Л. Шейхи Джуйбари // В. В. Бартольд. Ташкент, 1927. С. 3-20; П е т р у ш е в с к и й И. П. Городская знать в государстве Хулагинов // Сов. востоковедение. 1948. № 5. С. 85-110; Р а с с у д о в а Р. Я. 1) Скифские энареи-среднеазиатские хожда // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1978. С. 33, 34; 2) Термин "хотжа" в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии М., 1978. С. 115-128.
- 25 Б о р н с А. Путешествие в Бухару. М., 1849. Ч. 3; Б у д а г о в Л. З. Указ. соч. Т. 1. С. 96, 123; К у н А. Л. Очерки Кокандского ханства // Изв. РГО. 1876. Т. 12, вып. 1. С. 63-66.
- 26 М а с а л ь с к и й В. И. Туркестанский край // Россия. СПб., 1913. Т. 19. С. 346; С е м е н о в А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства // Тр. Среднеаз. гос. ун-та. Сер. 2. Ташкент, 1923. Вып. 1; Ч е х о в и ч О. Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965. С. 216 (примеч. 10).
- 27 Б у д а г о в Л. З. Указ. соч. Т. 1. С. 46, 69, 631; Т. 2. С. 49, 51, 53, 73, 75, 421. В настоящее время термин к у р ч и (как и с и п а х; н у к е р) употребляется в основном старшим поколением, причем в значении "дружки жениха", выступающего среди своих сверстников (во время свадьбы) как шах - военный глава.
- 28 К у н А. Л. Указ. соч. С. 60-66; Т р о и ц к а я А. Д. Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в. // ТИАЭ АН ТаджССР. 1953. Т. 21. С. 211-217; А н д р е е в М. С. Указ. соч.
- 29 Б у д а г о в Л. З. Указ. соч. Т. 1. С. 70, 136, 452, 473.
- 30 А н д р е е в М. С. Указ. соч. С. 45-49, 135.
- 31 С е м е н о в А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях посетителей их в средневековой Бухаре // Сов. востоковедение. 1948. № 5. С. 120-140; Р а ш и д а д - д и н. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 1. С. 157, 158 (примеч. 6). Джуйбарские кварталы (16) находились на западе от ханской цитадели. Они заселены исключительно хожда и сейиды.

поставлявшими кадры ученых, судейских и духовных служителей, высоких военных чинов (с и п а х и й о).

Г. Н. С и м а к о в

НАРОДНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КИРГИЗОВ

"Более чем двухтысячелетняя история киргизского народа почти сплошь заполнена событиями, в той или иной мере связанными с военными действиями против враждебных племен и государств, с неослабевавшей борьбой против иноземных завоевателей, посягавших на целостность киргизских земель, на независимое и свободное существование киргизских племен. Можно считать, что вплоть до самого включения Киргизии в состав России основным фоном, на котором разворачивались важнейшие события политической и общественной жизни киргизов, были войны, набеги и столкновения. Весь строй киргизской народной жизни был пронизан суровой героикой военных походов и состоянием боевой тревоги. Этот суровый военный быт не мог не накладывать своего отпечатка на многие стороны материальной культуры, хозяйственный уклад, общественные отношения, народное сознание киргизов". Такими словами начинался доклад известного этнографа-киргизоведа, доктора исторических наук С.М.Абрамзона, прочитанный им на конференции по фольклору и этнографии Средней Азии в апреле 1944 г., которая состоялась в г.Ташкенте.¹ Это была первая работа, посвященная проблемам военного дела киргизов в прошлом. Она была написана, когда еще не утихли грозные залпы Великой Отечественной войны, и перед ее автором стояли как бы две слитые воедино задачи. Во-первых, попытаться

на основе сравнительно скудных и фрагментарных дошедших до нас данных истории, этнографии и фольклора охарактеризовать в самых общих чертах особенности военной организации и техники киргизов в далеком прошлом; во-вторых, еще раз подчеркнуть, что героизм и самоотверженность отважных воинов Киргизии проявленные на фронтах Великой Отечественной войны рядом с другими советскими людьми, имеют глубокие исторические корни, связанные с многовековой борьбой этого небольшого народа за свою свободу и независимость.

Несмотря на то что с момента написания доклада С.М.Абрамзона прошло более 40 лет, обе поставленные им в работе задачи (чисто академическая и идейно-воспитательная) не утратили своей актуальности, поскольку этнографическое изучение военного дела киргизов по-прежнему остается насущной целью советского киргизоведения, тем более что в течение 40 послевоенных лет, насколько нам известно, в специальной историко-этнографической литературе так и не появилось работы, посвященной рассматриваемой проблеме; во-вторых, изучение военного прошлого киргизского народа, как и раньше, имеет чрезвычайно важное идейно-воспитательное значение для подрастающего поколения киргизской молодежи, ибо без знания героического прошлого своего народа невозможно успешное воспитание защитников социалистического отечества.

Названная работа С.М.Абрамзона, которая самим автором рассматривалась "лишь как первый этап разработки темы, ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее освещение затронутых вопросов и тем более на окончательный характер некоторых выводов",² освещала обозначенные в заголовке проблемы в комплексе и в самых общих чертах. При этом автор основное внимание уделял следующим вопросам: исторические истоки и пути развития военного искусства, структура и организация армии, ее вооруженность, этнический состав войска, этнический воинский ритуал, приемы и методы ведения военных действий, тактические особенности киргизского войска, нравственные аспекты воспитания его воина. Однако отмеченные вопросы раскрыты далеко не с одинаковой полнотой. К числу наименее освещенных относится,

дении, народная устная традиция, в частности эпос "Манас", и наконец, сама война (третий этап подготовки и одновременно самостоятельных действий), являвшаяся самым суровым, но самым эффективным учителем, самым действенным источником военного опыта, мастерства стойкости и преданности своему народу.

Однако что касается предварительной подготовки, конкретной работы по выработке физических качеств, нравственному и волевому воспитанию, а также технической стороны дела, то народные игры, спорт, увеселения и зрелища играли здесь несомненно первостепенную роль.

- 1 Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса "Манас") // Тр. Ин-та яз., лит. и истории Кирг. фил. АН СССР. Фрунзе, 1944. Вып. I. С. 167-180.
- 2 Там же. С. 167.
- 3 Абрамзон С. М. Киргизы и их историко-культурные и этногенетические связи. Л., 1973. С. 108.
- 4 Абрамзон С. М. Черты военной организации ... С. 179.
- 5 Там же. С. 171.
- 6 Мандельштам А. М. Характеристика тюрков IX века в "Послании Фатху бен Хакуну ал-Джахиза". Алма-Ата, 1965. С. 231. (ТИИАЭ АН КазССР; Т. 20).
- 7 Сухарева О. А. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX-начало XX в.) // КСИЭ. 1958. Вып. 30. С. 125.
- 8 Там же.
- 9 Абрамзон С. М. Черты военной организации ... С. 170.
- 10 Там же. С. 179.

М. В. Сазонова

ЭЛЕМЕНТЫ ОБОРОНЫ В ЖИЛИЩЕ УЗБЕКОВ ХОРЕЗМА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОШЛОМ

Пустыни и барханные пески, окружавшие Хорезмский оазис, придавали ему определенную обособленность. Но в этом заключались и трудности для жителей оазиса. Вплоть до присоединения Средней Азии к России они подвергались постоянным враждебным набегам кочевников, особенно туркмен. Передки были также военные вторжения бухарцев. Если еще учесть, что беспокойная обстановка осложнялась и внутренними смутами, возникшими между враждующими группировками привилегированной части господствующих классов, то станет понятна та беспокойная жизнь, которая вынуждала население оазиса принимать меры, необходимые для обеспечения ему безопасности.

Одна из таких мер — устройство жилищ в виде укрепленных усадеб, своеобразный тип которых былработан многими столетиями беспокойного существования. Характерной особенностью хорезмских поселений в прошлом являлась разбросанность их жилищ по каналам, орошающим поля и сады.

С.П.Толстов, изучая памятники раннесредневековых сельских поселений, VI-VIII вв. (Беркут-Кала), и более поздних, XII-XIII вв. (район Кават-Калы), сделал заключение, что этот тип расселения — рассеянными укрепленными усадьбами-замками — возник одновременно с зарождением городов особого типа при замках-усадьбах крупных феодалов Хорезма в связи с зарождением элементов феодальных отношений в недрах патриархально-ра-

бовладельческого общества, находившегося в стадии разложения.

Тип рассеянного поселения узбеков Южного Хорезма сохранялся длительное время – вплоть до наших дней, до создания колхозных поселков периода социалистического строительства. Усадьба (х а у л и) в Хорезме представляла собой в прошлом жилище большой патриархальной семьи, и в этом качестве она сохранилась вплоть до Великой Октябрьской революции.

С.П.Толстов пишет: "... большая семья (еще в 1930 г. нередко до 60 человек) и большесемейная усадьба – «курганча» (крепостца) дожили в Центральном Хорезме вплоть до наших дней".¹ И далее: "И на всем протяжении истории феодального Хорезма именно большесемейная домовая община остается реликтом первобытнообщинного строя, который, неразрывно связанный с продолжающим жить и каждый день заново порождаемым самой этой общиной рабством, накладывал свой отпечаток на всю дальнейшую историю Хорезма вплоть до XX в."²

Обращаем внимание на определение С.П.Толстовым усадьбы как крепостцы – к у р г а н ч а. Именно замкнутость жилища, обнесение его крепкими стенами, создавала у обитателей его уверенность в безопасности. Внутри, за крепкими стенами, находились жилые помещения и хозяйственные постройки: хранилище продуктов (т а л а к а), маслосбойка (д ж у в а з х а н а), мельница (х а р а з х а н а), ручная или приводимая в движение ослом, и др. Здесь же содержался скот – лошади, быки, коровы, овцы, козы.

При строительстве новой усадьбы – х а у л и строго соблюдалась преемственность от старой. Обычно ее строили поблизости от пражней, в чем нельзя не видеть проявление определенной традиции – близость к дому отца (д е д е). Строился дом с помощью родных и соседей путем взаимопомощи (к у м е к). Значительную долю труда вносили сверстники (д ж у р а) как хозяина дома, так и сыновей.

Основным видом материала являлась глина, уложенная слоями, – п а х с а. Дерево использовалось в небольшом количестве (перекрытие, двери, ворота). А.А.Росликов, автор статьи о туркменской фортификации, пишет: "Пахсовые стены отличаются

необыкновенной прочностью; разрушение их оказывалось затруднительным даже для русской полевой артиллерии 70–80-х годов XIX в."³ Это относилось к боевым крепостным стенам, но хаулы тоже имели довольно плотные стены. Выбирая глину у основания будущих стен, строители оставляли рвы, что также в прошлом способствовало их неуязвимости. Крепление стен выполнялось одновременно с полуколоннами по углам и периметру в 7–8 слоев пахсы, служивших их опорой. Названия полуколонн – м ю л ь ч а р, или б ю л ь ч а р (Хива у Ханки), и к у н ь р а (Шавват, Туркуль) – носили военный характер. Первые термины имеют значение "бруствер, откуда действует группа воинов",⁴ другой – "зубцы крепостной стены".⁵

Еще 100 с лишним лет назад мольчар строились полыми. Такие полые внутри полуколонны мы видели в развалинах стен жилых домов в районе Хивы. Нам сообщения, что в полуколоннах раньше делали отверстия для наблюдения – г ю з о р а.⁶ С.П.Толстов показывает, "как в толстых городских стенах такие полуколонны использовались для обороны, для обстрела осаждающих из расположенных в два ряда бойниц стен и полуколонн".⁷ Особенно четко об этом пишет В.Л.Воронина: такое расположение бойниц позволяет вести фронтальный обстрел и фланкированный, т.е. боковой.⁸ У зубчатых завершений в верхней части внутренней стены имелся проход, т.е. эта часть также выполняла оборонительную функцию; "Существование зубцов на крепостных стенах могло быть оправдано только тем, где они несли реальные оборонные функции, укрывая расположенных на крыше галереи или на валгане стрелков... С.П.Толстов полагает, что крепостные зубцы появились в средние века".⁹ Свидетельством того, что в жилых домах стены тоже выполняли подобные функции, но, конечно, в значительно меньших масштабах, служило сохранение традиции часть стен старых хорезмийских хаулы над воротами оформлять зубчатым завершением – к а р г а л и к.

Ворота хаулы – д а р в а з а, расположенные между двумя полуколоннами – к у н ь г р а, делались массивными, двусторонними, из дерева прочных пород. Поперечные крепления по два в ряд, прибиваемые гвоздями с крупными металлическими шляпками

ми, были также традиционными. Нередко на створках ворот можно было увидеть несложную резьбу, в основе которой в далеком прошлом, по-видимому, лежал мотив оберега. В хаули, которые нам удалось зафиксировать, в стене, противоположной воротам, имелась небольшая калитка, соединяющая дом с садом или полем. Такая же часть дома, примыкающая с севера к стене хаули, с хаузом, обсаженным по берегу талом и карагачами, и суфой для летнего отдыха от жары описывается в "Истории Хорезма".¹⁰ Нам тоже привелось видеть подобные части усадеб, в частности, в районе Хазарапса. Но все дело в том, что все это — и калитки, и жилая часть дома на свежем воздухе — явление уже тех лет, когда в оазисе установилась мирная, спокойная обстановка, т.е. все это относится уже к 1920 г., со времени установления Советской власти в Хорезме.

- ¹ Толстов С. П. Древней Хорезм. М., 1948. С.164.
- ² Там же.
- ³ Росляков А. А. Основные черты туркменской формирования XVIII-XIX вв. // Исследования по истории культуры народов Востока : Сб. в честь И.А.Орбели, М.; Л., 1960. С. 220.
- ⁴ Бабур-наме : Зап. Бабура. Ташкент, 1958.
- ⁵ Узбекско-русский словарь. М., 1959. С. 223.
- ⁶ Там же. С. 305.
- ⁷ Толстов С. П. Указ. соч. С. 90, 91.
- ⁸ Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской формирования // СА 1964. № 2. С. 43.
- ⁹ Там же. С. 45.
- ¹⁰ История Хорезма. М., 1976. Гл. IV, разд. 8. С. 95.

Н. Ж. Шаханова

СПЕЦИФИКА ПИЩИ В ВОЕННО-КОЧЕВОМ БЫТУ КАЗАХОВ (XVII-XIX вв.)

Кочевой быт тесно связан с военным. Как и у других кочевников, внутренними факторами, определявшими напряженный, по существу военизированный, ритм жизни казахского общества, являлись феодальная раздробленность, межродовые и межплеменные столкновения, порождаемые спором из-за пастбищ, взаимные угоны скота, обычай кровной мести и т.д. Их усугубляли тяжелые события внешнеполитического характера: столкновения на юге со среднеазиатскими ханствами, набеги волжских калмыков, борьба с джунгарскими завоевателями. В силу этого казахское общество XVII-начала XX в. определяется как военно-кочевое.¹ По образному выражению С.Е.Толыбекова, "... степь с момента образования казахских кочевых ханств была полем постоянных военных действий".²

Одним из важнейших аспектов традиционной военной организации любого общества является снабжение армии, в том числе и продовольствием. В настоящей работе нас интересует специфика пищи в системе военно-кочевого быта казахов.

Как известно, постоянной армии в казахских ханствах не существовало. Вместо нее по мере необходимости собиралось народное ополчение, выступавшее под предводительством хана, султанов и батыров. Военская повинность была обязательна для всех мужчин, способных ее нести.³

На принцип формирования войска у казахов оказала сущест-